

ЦЕРКОВЬ И ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

А. М. Сахаров

Объединение русских земель вокруг Москвы и образование централизованной государственной системы происходили в сложном взаимодействии различных социальных сил феодального общества. В литературе обычно речь идет о позициях дворянства, горожан, боярства, крестьян в этом процессе. Но была еще одна важная сила, которую нельзя сбрасывать со счетов. В свое время М. Н. Покровский справедливо отмечал, что «раз московское государство было созданием феодального общества, в его строительстве не могла не играть видной роли крупнейшая из феодальных организаций удельной России, как и средневековой Европы вообще,— церковь»¹. Говоря об усилении церкви в результате привилегий, полученных от монголо-татарских властителей, М. Н. Покровский писал, что «нельзя изображать дело так, как будто церковь «поступила на службу» к московским великим князьям»; «такая точка зрения грешит очевидной модернизацией истории», и «в действительности между церковью и великокняжеской властью существовали отношения союза, а не подчинения»². Присоединяясь к этой точке зрения, заметим, что отношения между союзниками — княжеской властью и церковью — в период образования Русского централизованного государства были довольно сложными.

Первая половина XIV в. — время, когда московским князьям удалось привлечь на свою сторону церковь, что весьма помогло им в борьбе за овладение великокняжеским столом. Поддержка церкви была добыта вполне реальной ценой. С. Б. Веселовский пришел к выводу, что «самые значительные и хозяйственно ценные владения были приобретены за время правления Феогноста и Алексея (1328—1378), т. е. за первые 50 лет московского великого княжения»³.

В середине XIV в. церковь представляла собой мощную экономическую и политическую силу. Глава церкви митрополит Алексей играл большую роль в политических делах и фактически возглавлял Московское княжество в период малолетства Дмитрия Донского. Княжение Дмитрия Донского, протекавшее в условиях хозяйственного подъема второй половины XIV в., стало важным этапом на пути объединения русских земель в борьбе против монголо-татарского ига. Тогда же проявились и первые элементы централизации государственной системы. В литературе отмечалось, что «в правление Донского произошли важные изменения в системе военной организации (принцип территориальной службы бояр), в области централизации суда (упразднение тысяцкого и введение большого великокняжеского наместника в Москве)»⁴.

¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. Т. I. М. 1933, стр. 127.

² Там же, стр. 132—133.

³ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.-Л. 1947, стр. 387.

⁴ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XIV—XV вв.». М. 1953, стр. 233.

Вполне естественно, что с первыми шагами централизации возник довольно острый конфликт между церковью и светской властью, с полной определенностью выявивший противоречия между этими силами в ходе объединительного процесса.

Конфликт этот хорошо известен в литературе⁵ и справедливо оценен как проявление борьбы «между феодальным государством и высшим представителем церковной феодальной иерархии за политическую власть»⁶. Укажем на самые существенные черты происшедших в 1378—1389 гг. событий.

Когда умирал митрополит Алексей, великий князь Димитрий Иванович задумал выдвинуть на митрополию своего ставленника — священника Михаила-Митяя. Образованный и речистый поп («словесы речист, грамоте горазд, пети горазд и от книг сказати горазд, всеми дедами поповскими изыщен и по всему нарочит бе», по словам летописи⁷) был замечен великим князем в Коломне, переведен в Москву, где стал личным духовником и печатником князя и старейших бояр. Такой человек, не связанный с церковной иерархией, мог обеспечить подчинение церковной организации великому князю. Димитрий не считался с церковными традициями. Митяя он приказал постричь в монахи и тут же возвести его в почетный сан архимандрита кремлевского Чудова монастыря. Все это произошло еще при жизни митрополита Алексея, которому явно не понравились действия великого князя. Сославшись на то, что Митяй «новук» в монашестве и что митрополит вообще не может назначать себе преемника, так как это дело патриарха, Алексей уклонился от требования Димитрия благословить Митяя на митрополию, одновременно дав понять великому князю, что судьба московской церкви зависит от Константинополя. Между тем великий князь действовал на основании хорошо знакомого Алексею прецедента, когда предшественник Алексея митрополит Феогност перед смертью отправил послов к патриарху с просьбой назначить на митрополию Алексея, что и было исполнено⁸, правда, ценой больших «подарков» патриарху⁹.

Сразу после смерти Алексея великий князь приказал Митяю поселиться на митрополичьем дворе. Собираясь отправиться в Константинополь для официального поставления в митрополиты и хорошо зная нравы патриархии, Митяй обложил церкви и монастыри большими поборами, чтобы быть в состоянии сделать нужные «подарки». Эти меры, а главным образом перспектива перехода церкви в прямую зависимость от великокняжеской власти, вызвали большое недовольство церковников. Среди противников Митяя оказались авторитетный церковный деятель Сергей Радонежский, игумен московского Симонова монастыря Федор и претендент на московскую митрополию Киприан¹⁰. Чтобы укрепить свое положение, Митяй попросил великого князя повелеть «со скоростию снитися сущим в Руси епископом», чтобы они избрали его, Митяя, епископом. По приказу Димитрия епископы собрались, но между высшими церковными деятелями разразился скандал. Суздальский епископ Дионисий заявил, что сам Митяй должен прежде поклониться ему, ибо Дионисий — епископ, а Митяй — всего лишь поп, на что разгневанный Митяй ответил, что Дионисий и попом не будет, когда Митяй вернется из Царьграда митрополитом и собственными руками сдерет с него епископские скиржалы.

⁵ Е. Е. Голубинский. История русской церкви. Т. II. М. 1900, стр. 226—262; Пл. Соколов. Русский архиерей из Византии. Киев. 1913, стр. 462—567; А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Пгг. 1918, стр. 352—365.

⁶ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XIV—XV вв.», стр. 234.

⁷ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXV. М.-Л. 1949, стр. 197.

⁸ Там же, стр. 178—179.

⁹ Е. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 177.

¹⁰ Пл. Соколов. Указ. соч., стр. 438.

Митяй затем отправился в путь, взяв у великого князя «чистую харатью с подписью и печатью», чтобы использовать этот «бланк» для займов в Константинополе от имени великого князя, который устроил своему ставленнику торжественные проводы. Узнав об этом, отправился к патриарху и Дионисий. Его задержали, но за Дионисия поручился Сергей Радонежский, и суздальского епископа отпустили с условием, что тот вернется назад. Но Дионисий, вероятно, с согласия своего поручника, обманул великого князя и все-таки поехал к патриарху. Митяй же по дороге морем внезапно умер, возможно, насильственной смертью¹¹. Между сопровождавшими его церковниками разгорелись резкие споры; одного из них, московского архимандрита Ивана, связали, и сторонники переяславского архимандрита Пимена, использовав чистую «харатью» Митяя с печатью великого князя, составили поддельное письмо Дмитрия Ивановича патриарху с просьбой о поставлении Пимена. Подкупы сделали свое дело: денег с огромными процентами назанимали столько, что еще в XV в. никак не могли по ним расплатиться, но Пимен был поставлен¹². Нравы церковных деятелей во всей этой истории выглядят настолько колоритно, что не нуждаются ни в каких комментариях.

Однако Дмитрий Иванович отказался признать Пимена. По его приказанию с Пимена при возвращении уже в Коломне сняли белый клобук и отправили в далекую Чухлому. Дмитрий приказал пригласить на митрополию Киприана, который прибыл в Москву в 1381 году.

Киприан тоже скоро почувствовал властную руку московского великого князя. В 1382 г., когда на Москву внезапно напал Тохтамыш, Дмитрий покинул город и срочно отправился в северные города для сбора ополчения. Москва была оставлена на попечительство бояр и Киприана. Но Киприан струсил и бежал в Тверь. Вместе с ним туда же отъехал и Сергей Радонежский. Когда великий князь вернулся, Киприану пришлось уехать в Киев, «разгнева бо ся на него великий князь Дмитрей того ради, что не седел в осаде на Москве, а посла по Пимина митрополита и приведе его из заточения на Москву и прият его с великой честью и любовью на русскую Митрополию»¹³.

Но этим не кончился кризис русской митрополии. В 1383 г. прибыл из Константинополя Дионисий в сане архиепископа, стал добиваться сближения с великим князем, что ему удалось, и в том же году Дионисий вместе с великокняжеским духовником, игуменом московского Симонова монастыря Федором был послан великим князем снова к патриарху «о управлении митрополии Русские»¹⁴. В следующем году Дионисий появился на Руси уже в сане митрополита, но был задержан киевским князем Владимиром Ольгердовичем, сторонником Киприана. На русской митрополии оказалось одновременно три митрополита — Киприан, Пимен и Дионисий. Последний вскоре умер в Киеве. Попытка Пимена упрочить свое положение новой поездкой к патриарху успеха не имела. Не помогла и посылка патриархом на Русь своих представителей, чтобы разобраться в запутанных делах русской митрополии.

Только после смерти Дмитрия Донского положение в русской церкви стабилизировалось. В 1390 г. в Москву снова прибыл митрополит Киприан, под властью которого объединилась церковь во всех русских землях, в том числе и находившихся под властью Великого княжества Литовского. Позиции церкви стали усиливаться. А. Е. Пресняков пришел к выводу, что описанная выше «церковная смута» «кончилась несомненным политическим поражением великокняжеской власти. Пришлось на ряд долгих лет отказаться от политической солидарности с

¹¹ Там же, стр. 502; ПСРЛ. Т. XIII. СПб. 1911, стр. 41.

¹² ПСРЛ. Т. XXV, стр. 196—197.

¹³ Там же, стр. 210.

¹⁴ Там же, стр. 211.

митрополией, от ее мощных услуг; упущено из рук великого князя замещение митрополичьей кафедры желательным для светской власти кандидатом»¹⁵. Киприан, по заключению того же исследователя, менее всего намеревался придать русской церкви характер государственного учреждения; наоборот, он стремился всячески укрепить независимое положение церкви по отношению к великокняжеской власти и теснее связать церковь на Руси с константинопольской патриархией.

Вряд ли можно недооценивать это обстоятельство, анализируя причины, по которым объединение русских земель вокруг Москвы и централизация государственной власти, достигшие столь заметных успехов в третьей четверти XIV в. и приведшие к великой победе в Куликовской битве, замедлились в дальнейшем, и понадобилось еще целое столетие, прежде чем процесс образования единого Русского государства вступил в свою завершающую фазу. Борьба против Новгородской республики, принявшая напряженный характер в 90-х годах XIV в., не была поддержана церковью, так же как Киприан не поддержал великого князя в конфликте с Литвой. А. Е. Пресняков считал, что поведение Киприана производило «впечатление намеренного обособления отношений митрополии от политических действий великокняжеской власти»¹⁶. О том, что Киприан добивался гарантий независимому положению церкви, свидетельствует известный формуляр договорной уставной грамоты 1389 г. (или 1404 г.) между великим князем Василием Дмитриевичем и митрополитом Киприаном «о домах церковных и о волостех и о землях и водах и о всех о пошлинах о церковных»¹⁷, которая закрепляла широкие иммунитетные привилегии за церковными владениями. Согласно грамоте, церковь освобождалась от обязанностей военного характера во всех случаях, когда в военных действиях великий князь не принимал сам непосредственного участия.

Независимость церкви поддерживалась в большой степени ее связями с патриархией, и недаром Василий Дмитриевич с таким открытым пренебрежением относился к византийским духовным и светским властям. Он даже добивался исключения из церковного ритуала поминовения византийского императора¹⁸, что устраняло хотя бы внешне символ того, что русская церковь являлась частью международной церковной организации. Обстоятельства благоприятствовали великому князю тем более, что Византия сама находилась в затруднительном положении, обороняясь от натиска Баязида. В 1398 г. была послана с Руси «милостыня» в Константинополь — 20 тысяч рублей, но уже спустя год из Византии последовала новая просьба о денежной помощи. По-видимому, именно тогда произошло какое-то стеснение московской митрополии со стороны великокняжеской власти и светских феодалов, так как прибывший в 1410 г. в Москву новый митрополит, грек Фотий, застал церковное хозяйство в значительной части расхищенным князьями и боярами и принялся энергично восстанавливать церковные богатства¹⁹. Фотий потребовал, чтобы великий князь вернул вышедшие из-под церковного владения земли, возвратил отобранные у церкви права взимания различных пошлин. Можно думать, что Василий Дмитриевич осуществил

¹⁵ А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 363.

¹⁶ Там же, стр. 369. Возражения Л. В. Черепнина А. Е. Преснякову в этом пункте основаны на целой цепи предположений (см. Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М. 1960, стр. 700). Но цепь предположений, как бы логично она ни выглядела, остается всего лишь предположениями и не имеет доказательной силы, тем более что ни одно звено в этой цепи не может быть установлено достоверно.

¹⁷ «Акты археографической экспедиции» (ААЭ). Т. I, № 9.

¹⁸ Е. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 345.

¹⁹ Там же, стр. 358.

какие-то мероприятия, направленные на ослабление богатства церкви, бывшего материальной основой ее самостоятельности, и эти мероприятия следует рассматривать как одно из звеньев политики государственной централизации, осуществлявшейся московской великокняжеской властью. Результатом был открытый конфликт между великим князем и митрополитом Фотием, происшедший в 1413 году. Этот конфликт был далеко не единственным в серии противоречий между великокняжеской властью и церковью в ходе объединения русских земель в единое государство.

Новое обострение отношений произошло в один из самых решающих моментов борьбы московской великокняжеской власти со своими соперниками. Во второй четверти XV в. разразилась длительная феодальная война в Московском великом княжестве. И как раз в это время произошло весьма крупное событие в истории русской церкви — ее отказ от Флорентийской унии, фактическое отделение от византийской церковной организации и превращение в самостоятельную. Политическим интересам московской великокняжеской власти никак не соответствовало объединение православной и католической церквей. Это совершенно бесспорно, и решительная реакция великого князя Василия Васильевича, арестовавшего митрополита Исидора по возвращении с Феррарско-флорентийского собора на Русь в 1441 г., вполне понятна. Однако некоторые события заставляют усомниться в том, что церковь сразу заняла крайне отрицательную позицию по отношению к византийским церковным деятелям, изображенным в летописной повести «О Сидоре митрополите» в качестве «предателей» православного христианства²⁰. Конечно, уния с католической церковью никак не отвечала интересам церковников. Но отказ от нее означал разрыв с византийской церковью, частью которой, хотя и самой крупной, была русская церковь, заинтересованная в сохранении связей с константинопольской патриархией. Во время конфликта с Митяем русские церковники апеллировали к патриарху; княжеской власти вообще приходилось считаться с его позицией. Теперь же русская церковь оказывалась как бы «один на один» с крепнувшей великокняжеской властью. Решительность действий Василия Васильевича объяснялась, на наш взгляд, не только соображениями международного, но и внутреннего порядка. Отказ от Флорентийской унии открывал великому князю гораздо более благоприятные возможности для подчинения себе церкви. Князь смещал митрополита под безупречным флагом заботы о чистоте православия.

С другой стороны, в действиях великого князя заметна непоследовательность. Арестовав Исидора и заключив его в Чудов монастырь до специального суда, великий князь, однако, никак не воспрепятствовал тому, что Исидор однажды «нощию бездверием исшед» вместе с чернецом Григорием. Более того, «благочестива делатель» великий князь «никако же не посла по нем возвратити его, ни восхоте удержати его»²¹. Еще Е. Е. Голубинский высказал предположение, что Исидору дали «полную возможность бежать», чтобы разрешить трудный для великого князя вопрос, как быть с отступником-митрополитом²². Вопрос этот мог стать трудным только вследствие сопротивления со стороны церкви. Характерно, что названная летописная повесть, проникнутая открытой враждебностью к «латинству», все действия против Исидора относит только на счет великого князя, ни слова не говоря о позиции духовенства в момент появления Исидора в Москве. Установлено, что в середине XV в. отрицательной оценки Флорентийской унии в летописании еще не было, что эта оценка возникла позже и что названная повесть

²⁰ ПСРЛ. Т. XXV. стр. 257.

²¹ Там же, стр. 259.

²² Е. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 457.

«О Сидоре митрополите» появилась лишь в своде 1479 года²³. В повести явно задним числом дело изображается таким образом, будто Исидор «скрыл» сначала свою «латинскую ересь», а потом велел нести перед собою католический крест (крыж), помянул в богослужении вместо православных патриархов римского папу Евгения, огласил грамоту вселенского собора о соединении церквей, передал великому князю грамоту римского папы и тут только великий князь, «скоро обличив» Исидора и обозвав его «латынским ересным прелесником» и «волком», приказал заключить его в монастырь. О позиции духовенства не говорится ни слова в этой повести, принадлежность автора которой к кругу воинствующих церковников вряд ли можно оспаривать. В более поздней по времени возникновению, но опиравшейся на ранние источники Никоновской летописи события описываются несколько иначе: великий князь принял решение после трехдневных раздумий и колебаний, тогда как в самый момент объявления Исидором об унии «все князи умолчаша, и бояре и иные мнози, еще же паче и епискупы русския все умолчаша и воздремаша и уснуша»²⁴. Е. Е. Голубинский справедливо сомневается в том, что великий князь так долго колебался; он приводит убедительные аргументы против версии о «неожиданности» привезенных Исидором новостей и считает, что решение великого князя было принято уже до прибытия Исидора в Москву²⁵.

Кажется несомненным, что и умолчание повести «О Сидоре митрополите» и версия о том, что епископы «задремали и уснули», узнав об унии с католической церковью²⁶, имели целью затушевать действительную позицию церковников в момент низвержения митрополита Исидора. Об этом же свидетельствует и упомянутое выше отсутствие отрицательной оценки Флорентийской унии в летописании середины XV века. Уже ни для кого не было секретом, что Исидор целый год пробыл в Литве, возвращаясь в Москву с вселенского собора, и тем не менее московское духовенство никак не воспрепятствовало тому, чтобы состоялось то торжественное богослужение, на котором Исидор провозгласил унию. Дело тут, очевидно, не в примирении церкви с «латинством» — католицизм оставался по-прежнему идеологическим противником. Дело в другом — в нежелании церковников принять такой порядок вещей, при котором великий князь своею волею распоряжался бы назначением и смещением митрополитов, а именно этим грозил и прецедент с Исидором и разрыв связей с константинопольской патриархией вследствие отказа от Флорентийской унии. Духовенство, видимо, еще рассчитывало на то, что великий князь не решится открыто осудить митрополита после торжественного богослужения, и поэтому позволило совершить эту службу. Вряд ли можно сомневаться в том, что служба в Успенском соборе 11 марта 1441 г. начиналась в обстановке крайнего напряжения, когда все ее участники знали, что предстоит решительное столкновение великого князя с митрополитом.

Ближайшие за тем события свидетельствуют о том, что в отношениях между церковью и великим князем далеко не все было благополучно. Исидор находился в келье Чудова монастыря в Кремле, над ним готовился суд, а великий князь отправил патриарху в Константинополь послание с просьбой разрешить избрать нового митрополита из русских епископов²⁷. При этом в послании пространно и решительно осуждалась Флорентийская уния. Послание носило печать очевидного компромисса. Церковники не могли согласиться на полный разрыв связей с патриар-

²³ См. Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI вв. М.-Л. 1960, стр. 367.

²⁴ ПСРЛ. Т. XII. СПб. 1910, стр. 41.

²⁵ Е. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 454.

²⁶ Это должно было выражать крайнюю степень презрения к услышанному.

²⁷ Акты исторические (АИ), Т. I, стр. 119.

хом, и великий князь должен был уступить. Но он уступил так, что эта уступка получилась чисто внешней²⁸. Либо патриарх должен был санкционировать самостоятельные выборы митрополита в Москве, либо великий князь получал право порвать с патриархом-вероотступником на той же самой идеологической основе, на которой был совершен разрыв с митрополитом Исидором. В любом случае победа оставалась на стороне великого князя, а церковь проигрывала, так как константинопольская патриархия уже ничем не могла теперь помочь русским церковникам в их столкновениях со светской властью. Отсутствие в летописях упоминания об этом послании Василия Васильевича патриарху косвенно свидетельствует о том, что послание это было неприятно церковным кругам, в которых составлялись летописи и которые в большинстве случаев не решались говорить о враждебных церкви действиях светской власти.

По всей видимости, из Константинополя был получен отказ²⁹ — в расчете на то, что московский великий князь в обстановке феодальной войны не решится на конфликт с церковью и тем самым сохранится возможность вовлечь русскую церковь в унию. При этом не исключалась возможность вторичного появления на политической арене Исидора.

Со своей стороны, русская церковь оказывала очевидное сопротивление великому князю — тому самому, который избавил ее от угрозы «латинства». Осенью 1446 г., после тяжелого поражения русских войск от Улу-Мухаммеда, вновь поднялись силы, враждебные великому князю. Возник заговор, во главе которого стали удельные князья. Летопись отмечает, что «мнози же москвичи в думе с ними бяху, бояря же и гости, бе же и от чернцов в думе тои»³⁰. Таким образом, в заговоре объединились силы светской и духовной знати. Великий князь поспешил в давний оплот московских князей — Троице-Сергиев монастырь, «ничто же иного чаа, но токмо накормити тамо сущую братию великоа тоа лавры»³¹, то есть отправился с дарами в монастырь, надеясь получить его поддержку. Возможно, что великий князь уже располагал какими-либо сведениями о деятельности своих противников в этом крупнейшем монастыре и старался склонить монастырь на свою сторону³². Дело окончилось весьма драматически для великого князя: крупнейший и влиятельнейший монастырь оказался ловушкой, его ворота легко открылись для заговорщиков. Арестованного великого князя конвоировали монахи, неотступно сидевшие с ним в одних санях. Захвативший Москву князь Димитрий Шемяка вызвал рязанского епископа Иону, которого еще до Исидора пытался поставить митрополитом великий князь, и поручил ему взять великокняжеских детей на свое попечение. Бояре великого князя усомнились было в искренности намерений Димитрия и Ионы, но рязанский епископ дал соответствующие клятвы. Когда Иона привез к Шемяке детей великого князя, Шемяка с тем же самым Ионою отправил их к отцу в заточение в Углич. Тем самым с помощью самого авторитетного в то время церковного деятеля были устранены соперники в борьбе за московский великокняжеский стол, захваченный Димитрием Шемякой. В награду князь «повеле ему идти к Москве и сести на дворе митрополитче, Иона же тако сотвори»³³. Враждебные великому князю силы непосредственно опирались на церковь. Когда к осени 1446 г. положение Димитрия Шемяки стало осложняться, он, «созвав епископы и анхимандриты

²⁸ Э. Винтер правильно характеризует это обращение как чисто формальное (см. E. Winter. Rußland und das Papsttum. Teil I. Berlin. 1960, S. 142).

²⁹ См. Е. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 479.

³⁰ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 264.

³¹ Там же.

³² Л. В. Черепнин вряд ли прав, считая, что в этом поступке «поражает исключительная беспечность и недальновидность Василия II» (см. Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 794).

³³ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 267.

ты со всею землей и честными игуменами», сумел получить поддержку церкви³⁴. Учитывая складывавшуюся обстановку, церковники вместе с тем добились освобождения из заключения Василия Васильевича, который стал теперь удельным князем в Вологде. После того как Шемяка был изгнан из Москвы в декабре 1447 г., высшее духовенство обратилось к своему недавнему союзнику с посланием, в котором оценивало борьбу Шемяки против Василия II как внушенную дьяволом³⁵ и обвиняло его в неповиновении законному великому князю. Прошел еще год, и победитель Василий Васильевич, уже не испрашивая разрешения в Константинополе, собрал епископов и поставил во главе русской церкви того же Иону. Можно говорить об известном компромиссе с церковью в данном случае, учитывая поведение Ионы в период феодальной войны, но хозяином положения был великий князь. Церковь уже в течение целого года помогала ему в борьбе с Шемякой, чтобы сохранить свое положение в условиях укрепления великокняжеской власти.

Прошло еще немного времени, и в 1453 г. Константинополь пал под ударами турок. Теперь московская церковь уже не могла надеяться на какую бы то ни было поддержку извне. Проблема отношений между нею и великокняжеской властью приобрела особенно острое значение, тем более что происходило быстрое усиление великого князя.

Весьма показательно, что в решающий период объединения русских земель вокруг Москвы произошло самое резкое обострение противоречий между церковью и светской властью. Напомним о спорах Ивана III с митрополитами Филиппом и Геронтием о подчиненности Кириллова Белозерского монастыря, об отношении к еретикам и даже о процедуре освящения нового Успенского собора (как совершать крестный ход, по солнцу или против него). Именно в это время Иван III объявил о полном разрыве с константинопольской патриархией. В распрях из-за Кириллова монастыря Иван III опирался на поддержку ростовского архиепископа Вассиана, тогда как митрополит Геронтий стал на сторону противника великого князя — удельного белозерского князя Михаила Андреевича, защищавшего интересы монастырской верхушки³⁶. Самым главным был вопрос о церковном землевладении, на которое посягали великий князь и светские феодалы. Позиции церкви были поколеблены распространением еретических учений, захвативших как городские низы, так и часть феодалов. Горячие споры о вере, которые, по недовольному свидетельству Иосифа Волоцкого, происходили повсюду — на дорогах и торжищах³⁷, конфликт между «нестяжателями» и «осифлянами», симпатии великого князя к «нестяжателям» и еретикам вследствие их отрицательного отношения к церковному землевладению, его настойчивые попытки отобрать церковные земли, чтобы ослабить своего могущественного союзника-соперника и найти земельные фонды для укрепления позиций дворянства, — все это ставило церковь в сложное положение. Но церковники отнюдь не собирались сдаваться. В лице яростного приверженца сильной церкви Иосифа Волоцкого русская церковь заняла враждебные великому князю позиции. Я. С. Лурье справедливо указывает на неправильность созданного церковниками в XVI—XVII вв. представления об Иосифе Волоцком как о «дворянине великого князя», стороннике сильной великокняжеской власти; в действительности Иосиф был борцом за привилегии феодальной церкви. Его политическая доктрина складывалась в обстановке явного конфликта с великокняжеской властью, когда Иосиф решительно поддерживал удель-

³⁴ ПСРЛ. Т. XXIII. Птгр. 1921, стр. 153.

³⁵ АИ. Т. I, № 40.

³⁶ См. Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 54—56.

³⁷ «Ныне же и в домах, и на путех, и на торжищех иноци и мирьстни и вси сомнятыя, вси о вере пытаются» («Послания Иосифа Волоцкого». М.-Л. 1959, стр. 162).

ного волоцкого князя Бориса Васильевича в его борьбе против великого князя Ивана III³⁸. Враждебность Иосифа Волоцкого и его единомышленников к великому князю еще более усиливалась вследствие связей последнего с еретиками. Литературные произведения Иосифа Волоцкого, этого воинствующего церковника, совершенно определенно свидетельствуют о враждебном отношении определенных кругов церкви к централизации государственной власти и объединению русских земель. Я. С. Лурье считает, что уничтожение феодальной раздробленности внутри Московского княжества воспринималось Иосифом как несчастье, в то время как Иван III был оценен волоцким игуменом как злодей, от которого можно ожидать лишь умножения распрей и ересей³⁹.

Заняв враждебную великому князю позицию, воинствующие церковники различными путями стремились упрочить пошатнувшееся положение церкви. Среди средств достижения этой цели были и новые монастырские уставы, долженствовавшие устранить те стороны жизни и поведения монахов, которые вызывали недовольство масс и подрывали авторитет религии и церкви. Споры между «осифлянами» и «нестяжателями» отразили различные подходы к общей цели — укреплению авторитета и положения церкви, причем руководитель «нестяжателей» Нил Сорский протестовал, собственно, не против церковных богатств вообще, а лишь против «стяжательства», чрезмерного увлечения собиранием богатств, проповедовал строго аскетический образ жизни монахов.

Большое место в деятельности руководителей церкви занимало идеологическое обоснование тезиса о независимости церкви, для чего широко использовалось летописание. Я. С. Лурье отметил, что своды 70-х годов XV в. и 1489 г. явно враждебны по отношению к великому князю, что они отражают оппозицию митрополита Геронтия, недовольного политикой Ивана III в вопросе о церковном землевладении⁴⁰. Оппозиция руководителей церкви оказала влияние и на другие летописные своды.

Одна из идей, нашедших распространение в летописании, заключалась в том, что княжеская власть призвана прежде всего охранять и защищать церковь. Эта идея получила теперь особенное звучание, потому что, лишившись связей с Константинополем, русская церковь всеми средствами старалась отстоять свою независимость от вмешательства княжеской власти. В этой связи развивалась мысль о необходимости для княжеской власти решительной борьбы с «латинством». Эта тема возникла в публицистике 50-х годов XV в. после отказа Литвы признавать московского митрополита. Когда же в 70-х годах поставленный константинопольским патриархом литовский митрополит был провозглашен «митрополитом всея Руси», проблема борьбы с «латинством» приобрела особенно острое значение⁴¹. Но оно не исчерпывалось лишь областью отношений между Русью и Литвой — в арсенале идеологических средств церкви проблема борьбы с «латинством» имела применение и в области отношений с великокняжеской властью. Лозунг борьбы с «латинством» давал возможность сопротивляться нововведениям, связанным с образованием централизованного государственного строя, под флагом отстаивания чистоты веры, охраны стародавних византийских традиций и обычаев.

Идея верности старине совсем недавно еще служила борьбе против монголо-татарского владычества. Воспоминания о славных временах киевских князей, о могуществе и процветании дотатарской Руси будили

³⁸ Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 238.

³⁹ Там же, стр. 244.

⁴⁰ Там же, стр. 59—63.

⁴¹ Там же, стр. 370—371.

патриотические чувства, утверждали уверенность в том, что тягостное состояние подвластной ханам Руси — дело временное, что русская земля, верная обычаям и подвигам предков, освободится от жестокого гнета. Внимание к старине находило свои проявления и в формировании цикла былин вокруг подвигов древнерусских богатырей, и в том, что новые летописи — XIV—XV вв. (как, например, Лаврентьевская) — обязательно начинались со ставшей к тому времени классическим произведением «Повести временных лет», и в подчеркнутых сопоставлениях «Задонщины» с не менее классическим «Словом о полку Игореве», и в реставрации памятников дотатарского зодчества (работы В. Д. Ермолина в Юрьеве-Польском). В тяжкую годину монголо-татарского ига патриотизм и нерушимая верность старине были тесно связаны друг с другом.

Теперь же идея верности старине была использована для борьбы за укрепление позиций церкви, против нововведений, связанных с усилением великокняжеской власти и ее вмешательством в церковные дела. Это нашло свое яркое отражение в созданном в конце 70-х годов XV в. Московском летописном своде.

Вопреки установившемуся мнению есть основания полагать, что этот свод возник в церковных кругах. О единстве взглядов светских и духовных правителей в тот период не может быть и речи: это момент как раз резкого расхождения между Иваном III и Геронтием, дошедшего до скандала на торжественной церемонии освящения нового Успенского собора. Данную версию подтверждают и неоднократные выпады против великокняжеской власти в Московском летописном своде, причем внимание сосредоточивается именно на тех случаях, когда великие князья посягали каким-либо образом на положение церкви. В этой связи привлекает внимание особая пространная повесть «О Митяе-архимандрите», отличающаяся по своей редакции от аналогичного изложения в других летописях, например, Троицкой и Ермолинской. Происхождение редакции Воскресенской летописи (совпадающей с редакцией Московского летописного свода) П. Соколов связывал с митрополитом Киприаном, который и в других произведениях стремился «доказать, что русский великий князь не имеет права вмешиваться в замещение митрополичьего престола и что Митяя никто не хотел, кроме великого князя»⁴². Написанная с позиций защиты независимости церкви, эта повесть резко осуждает действия великого князя, который «незнаемо некако и странно» пытался поступить с церковью⁴³. Поражение великого князя и неудача Митяя выписаны с особым удовлетворением, причем подчеркивается закономерность таких поражений: «Многажды бо наводит бог на нас скорби и предает в руки немилостивым и суровейшим пастухом за грехи наша, но не до конца прогневается. Тако же и сему не попусти, не изволи быти пастырю и митрополиту на Руси»⁴⁴. Все это имело весьма актуальное значение для церковников в обстановке разыгравшегося тогда конфликта с великокняжеской властью. «Повесть о Митяе» обосновывала не только недопустимость вмешательства князя в дела церкви, но и защищала монашество и духовенство вообще от посягательства на их богатства. В повести содержалось обвинение Митяя в том, что он «нача вооружатися на игумены, и на священники и на черноризци», вероятно, с одобрения и при поддержке великого князя. О том, что представляли собой действия Митяя, можно в какой-то степени судить по известию о том, что Сергей Радонежский молился, чтобы «бог не попустил Митяю, хвалящуся разорити мес-

⁴² Пл. Соколов. Указ. соч., стр. 428. Мнения об авторстве Киприана придерживался еще ранее Е. Е. Голубинский.

⁴³ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 198.

⁴⁴ Там же.

то сие святое и изгнати нас без вины»⁴⁵, то есть разрушить Троицкий монастырь. «Повесть о Митяе» приобрела в конце 70-х годов XV в. особенно актуальное значение для церковников, ибо тогда отчетливо проявились секуляризационные планы великокняжеской власти в связи с ликвидацией независимости Новгородской республики.

С другой стороны, в летописании настойчиво акцентировались действительные и мнимые факты защиты церкви княжеской властью и тем самым обосновывалась мысль о том, что князья должны оберегать церковь и быть примером выполнения религиозного долга. Через Московский летописный свод красной нитью проходит идея исключительной роли православно-христианского вероучения и, следовательно, церкви, в судьбах страны. В описании «Донского побоища» — Куликовой битвы — победа полностью отдается вмешательству божественных сил, а сам Дмитрий Донской, популярный герой, представлен благочестивейшим человеком, все поступки которого диктовались исключительно его религиозным чувством. Церковь пыталась укрепить свой авторитет отнесением к числу христианских подвижников героев освободительной борьбы русского народа, таких, как Дмитрий Донской, Александр Невский и другие. Особая повесть «О житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» вопреки фактам изображает его послушным сыном церкви. В свод включена резко «латинская» повесть «О Сидоре митрополите, како прииде из Царяграда на Москву», в которой великий князь Василий Васильевич предстает поборником «истинного христианства». Такая интерпретация позволяла затушевать действительную позицию церкви в момент Флорентийской унии и еще раз создать образ идеального князя — защитника интересов православия и церкви. Именно в своде 1479 г. (Московский летописный свод) появился пространный рассказ о Флорентийской унии, в то время как в своде 1472 г. содержались лишь краткие известия о поездке Исидора на Собор⁴⁶. Понятно, что в условиях противоречий между митрополитом и великим князем в 1479 г. такой рассказ об унии с резко «антилатинским» содержанием имел очевидный политический смысл. Характерно и то, что в Московском летописном своде нет упоминаний о церковном соборе 1446 года. Дело изображено так, будто митрополит Иона был инициатором освобождения Василия Васильевича из заключения. Факты о том, что церковь и тот же Иона поддерживали Шемяку, составители свода в конце XV в. предпочли обойти молчанием.

В изображении событий, связанных со свержением монголо-татарского ига в 1480 г. Московский свод (дополненный после 1479 г. или представляющий даже новую редакцию 90-х годов) явно выпячивает роль митрополита Геронтия, к которому, по словам летописи, великий князь прежде всего обратился за советом и на которого оставил Москву во время похода на Угру. В своде содержится прямая критика великого князя, который будто бы боялся Ахмед-хана, «слушая злых человек сребролюбцев богатых и брюхатых, предателей христианских, а норовников бесерменских, иже советуют государю на зло христианское, глаголюще «пойди прочь, не можеш с ними стать на бои»⁴⁷. Летопись стремится противопоставить решительную позицию главы церкви уклончивой позиции великого князя, при этом ярко проявляется недовольство тем, что у великого князя обнаружались какие-то иные советники, помимо митрополита⁴⁸, и этих-то советников летопись старается изобразить в нарочито отрицательном виде. В Московском своде нет указания на

⁴⁵ ПСРЛ. Т. XIII, стр. 38.

⁴⁶ См. Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 370.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 328.

⁴⁸ Среди них были И. В. Ощера и Г. А. Мамон (см. К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М. 1952, стр. 157).

активную позицию ростовского архиепископа Вассиана, потребовавшего от великого князя решительных действий, а также на волнения москвичей (настаивавших на этой же решительности). Это объяснимо, во-первых, враждебными отношениями между Геронтием и Вассианом и стремлением Геронтия приписать себе решительное патриотическое выступление, а во-вторых, желанием скрыть неприятный для митрополита факт волнений в столице в то время, когда она была оставлена на его попечение, да еще под воздействием выступлений враждовавшего с митрополитом Вассиана⁴⁹.

Вся интерпретация событий 1480 г. в Московском летописном своде имеет явно антивеликокняжеский характер и направлена на возвышение митрополита Геронтия.

Не менее примечательно и то, что общерусскому походу на Новгород в 1471 г., возглавленному великим князем, в летописи придан характер войны против «латинства», против «измены» новгородцев христианству. Такое обоснование похода нужно было не только для оправдания войны одних русских войск против других и не только потому, что часть новгородского населения надеялась найти у польско-литовского короля защиту независимости Новгорода. Не менее, если не более важным было то, что Новгород уже более столетия оставался очагом распространения опаснейших для церкви и всего господствующего класса феодалов еретических движений. Поэтому поход против Новгородской республики интерпретировался как наступление во имя чистоты православия, что в первую очередь соответствовало интересам церкви.

Освещение похода на Новгород в духе борьбы с «латинством» принадлежит именно московским церковникам. В этом убеждает простое сопоставление рассказов о походе на Новгород в московских и псковских летописях. Никаких призывов к борьбе с «латинством» в связи с походом 1471 г. мы в псковских летописях не находим, хотя Псков был союзником Москвы в борьбе с Новгородом, а, кроме того, в течение столетий вел борьбу с немцами, и там, казалось бы, идея борьбы с «латинством» должна была бы найти благоприятный отклик. Идея борьбы с «латинством» нужна была московским церковникам для того, чтобы оказать воздействие на позицию великого князя, склонить его к поддержке церкви, к сохранению ее привилегий и богатств в «обмен» на идеологическую и материальную помощь в борьбе с соперниками.

Между тем в период образования централизованного государства великокняжеская власть искала пути расширения связей с западными странами, что диктовалось необходимостью укрепить как международное, так и внутреннее положение складывающейся государственной власти. В этой связи должен быть в полной мере оценен факт женитьбы Ивана III на Софье Палеолог. К. В. Базилевич убедительно показал, что этот брак возвышал московского великого князя над другими русскими князьями, поскольку освобождал его от привычных родственных связей с ними, но вряд ли названный автор прав, когда отвергает всякое значение этого брака для укрепления международного положения Русского государства⁵⁰. Даже если инициатива этого брака исходила исключительно со стороны Рима, то примечательно, что Иван III дал на этот брак свое согласие и что переговоры о браке шли с 1469 г., а в 1472 г. Софья прибыла в Москву. Таким образом, вопрос о женитьбе на Софье Палеолог решался как раз в те годы, когда подготавливался и осуществлялся «крестовый поход» против Новгорода под знаменем борьбы с «латинством».

⁴⁹ В Ростовском своде есть то же упоминание о «сребролюбцах богатых и брюхатых», но здесь весь рассказ о событиях на Угре непосредственно связан с Вассианом (ПСРЛ. Т. XXIV. Пггр. 1922, стр. 201—202).

⁵⁰ См. К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 77—78.

И хотя, в общем, летописец избегал прямых выпадов против великого князя, тем не менее он нашел случай выразить свое резко враждебное отношение к Софье Палеолог и тем самым к «латинским» связям великого князя. В рассказе о приходе Ахмед-хана и связанной с этим поездкой великой княгини на Белоозеро летописец с нескрываемой враждебностью писал: «Тое же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегала за Белоозеро и з боярынями от татар, а не гонима никим же, и по которым странам ходила, тем стало лучше татар от боярских холопов, от кровопивцев крестьянских. Воздаи же им, господи, по делом их, и по лукавству начинания их, по делом руку их даждь им, господи»⁵¹. Это уникальное по своей враждебности великому князю высказывание летописи вряд ли могло появиться в великокняжеском своде. Зато оно наряду с повестями о Митяе, Исидоре, житием Димитрия, рассказами о Новгородском походе и событиях 1480 г. вполне логично в своде, вышедшем из-под пера воинствующих церковников в момент разгоравшейся борьбы по вопросу о положении церкви и ее отношениях с великокняжеской властью в новых политических условиях централизованного государства⁵².

Враждебное отношение к Софье Палеолог стало общим для всех сил, сопротивлявшихся прогрессивному процессу государственной централизации. Оно проявилось у Берсень-Беклемишева и, главное, в тесной связи с представлением о том, что именно от Софьи, от проникновения проклятого «латинства» переменялись обычаи и порядки в Русской земле, «а которая земля меняет свои обычаи, и та земля недолго стоит»⁵³. Характерно, что с Берсением расправилась не церковь, а великокняжеская власть, казнившая недовольного боярина в 1525 году.

Брак Ивана III был важным, но далеко не единственным звеном активно развивавшихся связей молодого Русского государства с западными странами. В Москве жил и работал в это время денежник Иван Фрязин (Джованни Батиста делла Вольпе). Именно Иван Фрязин, пользовавшийся большим доверием Ивана III, вел переговоры с папой Павлом II о браке с Софьей Палеолог. Софью сопровождало в Москву много людей — «латинян» — во главе с папским легатом Бонумбре. К. В. Базилевич указывает, что между 1472 и 1505 г. пять раз отправлялись русские посольства в Италию — самый центр «латинства». «Основной задачей их была информация о политических событиях на Западе и наем на службу великого князя различных специалистов: инженеров, зодчих, оружейников, серебряников и других мастеров»⁵⁴. Заметим, что специалисты эти были остро необходимы Русскому государству и что к помощи «латинян» пришлось прибегнуть даже для перестройки московского Кремля и создания главной его святыни — нового Успенского собора, долженствовавшего символизировать величие и могущество единого Русского государства. В закладывавшиеся тогда основы художественной культуры Русского государства иностранные мастера внесли свой вклад, органически связав богатые традиции русского зодчества с новыми техническими и художественными достижениями европейского возрождения. Но не только в зодчих нуждалась возрождавшаяся после тягчайшего иноземного ига Россия — оружейники и денежники, врачи и ювелиры, рудознатцы и мастера самых различных ремесел были остро

⁵¹ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 328.

⁵² Я. С. Лурье считает «маловероятным» «существование в конце XV века официальной летописи Геронтия со столь открытыми противокняжескими тенденциями», так как «Геронтий был обязан своим поставлением на митрополичий престол только великому князю, а не константинопольскому патриарху» (Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 61). Если так, то должно было быть совсем невероятным открытое сопротивление Геронтия великому князю, имевшее место в действительности.

⁵³ АИ. Т. I, № 119.

⁵⁴ К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 82.

необходимы для развития государственного хозяйства после того, как монголо-татары систематически в течение двух с половиной веков грабили русские города и уводили в плен ремесленников.

Связи с Западом не ограничивались Италией. Известны отношения Москвы с Молдавией, Венгрией, Империей, а также с Литвой и Польшей. Почти каждый год приезжали с Запада и отправлялись в западные страны посольства. Никогда еще отношения со странами Запада не достигали такой активности, как в конце XV и начале XVI века. При этом активность была обоюдною, заинтересованность в расширении связей проявляли обе стороны. Расширение связей молодого Русского государства со странами Запада имело тогда немалое значение не только для укрепления его международного положения, для разрешения сложных задач внешней политики, но и для развития экономики, государственного строя и культуры. Конец монголо-татарского владычества снимал искусственную стену между Россией и странами Запада, многие из которых прогрессировали в сторону возникновения передовых капиталистических отношений. Там наступила пора блестящего Ренессанса.

Однако на этом пути у Русского государства оказалось много трудностей как внешнего, так и внутреннего порядка. Серьезнейшую опасность представляло настойчивое стремление папской курии воспользоваться ростом связей России с Западом для распространения влияния католицизма на Русь. Эта сторона дела глубоко исследована Э. Винтером, и мы не касаемся ее здесь. Была и другая сторона вопроса, затруднявшая развитие связей, — позиция русской православной церкви.

При оценке отношения церкви к «латинству» очень существенно и то обстоятельство, что сопротивление русской церкви католической экспансии отнюдь не делало ее поборницей прогресса. Если для государственных интересов расширение связей с Западом (при последовательной борьбе за сохранение независимости страны) было необходимостью, то церкви оно угрожало потерей своего влияния.

Вряд ли можно сомневаться в том, что под «латинством» русские церковники понимали не только и даже не столько католицизм, сколько вообще всю европейскую культуру, переживавшую полосу блестящего подъема и возрождения. Католическая церковь была, конечно, врагом и соперником, но у этого врага русские церковники считали возможным даже учиться: новгородский архиепископ Геннадий был доволен рассказом Николая Поппеля об испанской инквизиции, записал этот рассказ и послал его в Москву, требуя от митрополита таких же расправ с еретиками, какие практиковались «латинянами» в Испании, за что, впрочем, и был позднее обвинен своими противниками в «латинстве». Но наиболее решительное сопротивление великокняжеской власти было оказано церковью в самом важном вопросе — о судьбе церковного землевладения. Попытки Ивана III добиться отказа церкви от своих земельных владений, предпринятые им на церковном соборе 1503 г., встретили категорический протест со стороны руководителей церкви. Ивану III пришлось уступить и в вопросе о наказании еретиков, выступление которых представляло угрозу не только для церкви, но и для всего господствующего класса феодалов в целом.

В самый решающий период объединения русских земель, в конце XV — начале XVI в., церковь в лице своих руководителей и идеологов занимала, таким образом, позицию, отнюдь не совпадавшую с интересами и целями великокняжеской власти. Необходимо, конечно, иметь в виду, что внутри церкви были различные группировки и течения, в том числе и такие, которые по тем или иным соображениям поддерживали великокняжескую власть. Но это не дает оснований для оценки позиций церкви в целом в период объединения русских земель. Более того, факты свидетельствуют о том, что между светской и духовной властями именно в этот период проявились серьезные противоречия.

Интересы централизации государственной власти требовали обуздания своевластия и независимости крупных феодальных владетелей. Но самым крупным из них была церковь. Отлично понимая ее значение как инструмента для воздействия на массы, великокняжеская власть, разумеется, была далека от мысли о борьбе с церковью как таковой. Задача состояла лишь в том, чтобы более или менее существенно ограничить самостоятельное положение церкви, поставить ее в отношения прямой зависимости от великого князя, а для достижения этого нужно было не только оторвать церковь от константинопольской патриархии, что уже было достигнуто, но и подорвать самой основу силы церкви — ее земельные богатства. Эта задача прямо переключалась и с потребностями развития и усиления главной социальной опоры централизованной власти — поместного дворянства, для которого нужны были свободные земельные фонды. Понятна та настойчивость, с которой Иван III вынашивал и пытался осуществить свои секуляризационные планы.

Но церковь оказалась сильнее, она сумела отстоять свои владения и выиграть в целом борьбу с великокняжеской властью. После соборов 1503—1504 гг., окончившихся торжеством церковников, борьба продолжалась еще недолгое время. Так как образование централизованного государства в России происходило в своеобразных общественно-экономических условиях, когда еще долго сохранялась фактическая обособленность отдельных земель и княжеств и о национальных связях едва ли можно было говорить⁵⁵, великокняжеской власти пришлось иметь дело с сильными противниками среди крупных феодалов, считавших великого князя лишь как бы первым среди равных феодальных властителей, но решительно сопротивлявшихся централизации всей системы государственного управления. Дворянство было еще слишком слабым, города после двухсотпятидесятилетнего монголо-татарского владычества отставали в своем развитии, и поэтому силы, на которые, естественно, должна была бы опираться централизованная государственная власть, были сравнительно ограниченными. Поэтому великим князьям пришлось искать союзника в лице церкви, обладавшей большими материальными средствами и возможностями идеологического воздействия.

Реальное соотношение социальных и политических сил в стране предопределило в начале XVI в. поворот великокняжеской власти от попыток подчинения себе церкви и ослабления ее независимости к политике союза с ней, разумеется, ценой сохранения ее богатств и привилегий. Пошли навстречу и церковники, которым поддержка централизованной власти сулила большие преимущества, нежели опора на удельных князей.

В этой связи и произошел переход Иосифа Волоцкого и его последователей — «осифлян» — на сторону великого князя после 1508 года. Но и теперь, поддерживая великого князя, осифляне преследовали прежде всего интересы церкви. Это проявилось прежде всего в идеологической деятельности церкви. Иосиф Волоцкий и его последователи стали усиленно проповедовать тезис о божественном характере царской власти и ее ответственности перед богом. Эти взгляды, оказавшие впоследствии большое влияние на Ивана Грозного, могли быть использованы и действительно использовались светской властью для укрепления своего авторитета средствами господствовавшего в средние века религиозного мировоззрения. Но церковь вкладывала в эти воззрения иное содержание: она настаивала прежде всего на том, что божественный характер царской власти требует от нее в первую очередь заботы о сохранении и процветании церкви.

⁵⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 137.

С этой точки зрения заслуживает внимания и известная «теория» о Москве как «третьем Риме». Она была сформулирована в посланиях старца Псковского Елеазарьева монастыря Филофея великому князю Василию III и основана на идее трех сменявшихся царств. Филофей использовал факт падения Константинополя — «второго Рима» — под ударами турок в 1453 г., вскоре после «измены христианству», выразившейся в принятии Флорентийской унии с католической церковью. В связи с этим Москва, отказавшаяся от признания унии, выступала как истинный центр христианства, «третий Рим», хотя, как мы видели, церковь занимала в момент принятия унии совсем иные позиции. Обратим внимание на то существенное обстоятельство, что Филофей занимал вполне отчетливую позицию в самом остром вопросе того времени — о церковном землевладении. Будучи осифлянином, он в своих посланиях Василию III и Ивану IV решительно требовал от светской власти охраны монастырской земельной собственности⁵⁶. С этой точки зрения надо оценивать и его рассуждения о «Москве — третьем Риме», суть которых сводилась прежде всего к тому, чтобы заставить государство считаться с церковью, охранять ее положение и привилегии. Не случайно эта концепция была изложена в посланиях, адресованных великому князю: на его сознание хотели воздействовать церковники, ему хотели внушить мысль об особой миссии великокняжеской власти — охранять и поддерживать «истинную» церковь, что должно было льстить и самой великокняжеской власти, которая представляла, по крайней мере в своем собственном воображении, как самая важная для мирового христианства государственная власть.

Но дело не ограничивается только этим. Концепция «Москва — третий Рим» всем своим содержанием была направлена против всего нового, она провозглашала и утверждала принцип неизблемой верности старине, она освящала ее авторитетом существующие порядки и тем самым объявляла всякое посягательство на них враждебным христианству и церкви. Характерно, что автор концепции о Москве как «третьем Риме» недвусмысленно выступал против рационалистических знаний. Он осуждал самый интерес к тому, как устроено мироздание, что такое небо, облака и тому подобное, ибо «православным не подобает о таких испытывать». Зная, что можно предсказывать время будущих затмений солнца и луны, Филофей, однако, отвергал необходимость таких вычислений, так как в них «приобретения мало». Вызовом светскому знанию звучат его слова в послании Мисюрю Мунехину, сказанные о себе самом: «Человек сельский и невежа в премудрости, не в Афинях родился, ни у мудрых философ учился, ни с мудрыми философы в беседе не бывал. Учился есмь книгам благодатного закона, чим бо моя грешная душа спасти и избавитися вечного мучения»⁵⁷. Сомнений тут не может быть: идеолог воинствующей церкви ополчается против всего того, что связано с новой культурой Возрождения, против «латинства», с которым проникала эта разрушительная для церкви культура. Позиция Филофея в вопросах светского знания позволяет с еще большей уверенностью судить о глубоко консервативном назначении концепции о «Москве — третьем Риме».

Наконец, концепция «Москва — третий Рим» подрывала основу для развития контактов и связей с «латинским» Западом, ставила Россию в положение национальной исключительности, ибо Москва сама была объявлена «Римом», причем истинным. Подчинив своему контролю и влиянию духовную жизнь страны, разгромив еретические движения, церковь надолго сковала культурное развитие во многих отноше-

⁵⁶ См. Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 485.

⁵⁷ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. М. 1901, стр. 38.

ниях, отгородила русскую культуру от «латинства», от западноевропейской культуры как раз в эпоху ее блестящего подъема — в XVI—XVII веках.

Конечно, идеи «божественного происхождения» царской власти, Москвы — «третьего Рима» были использованы светскими правителями и сыграли свою роль в упрочении авторитета последних. Но, во-первых, церковь преследовала тут свои собственные интересы, а, во-вторых, интерпретация этих идей у представителей светской власти существенно отличалась от позиций церковных идеологов: достаточно вспомнить, с каким гневом отвергал Иван IV в своих посланиях самую мысль о возможности соучастия церковных владык в руководстве государством.

Политический и идеологический союз церкви и государства, сложившийся в начале XVI в., не устранил противоречий между ними. Великокняжеской власти пришлось повернуть от поддержки «нестяжателей» к политике предоставления церкви широких имущественных привилегий⁵⁸. Тем самым был законсервирован едва ли не самый крупный пережиток феодальной раздробленности в централизованном государстве — самостоятельная в экономическом отношении богатейшая церковная организация со своей системой администрации, суда и управления. Естественно, уже само это обстоятельство ограничивало полноту государственной централизации. Недаром впоследствии так настойчивы были попытки московских правителей ограничить рост церковного землевладения. Господство церкви в идеологической области весьма серьезно сказалось на судьбах русской культуры в средние века. Эти стороны воздействия церкви на общественную жизнь России в период централизованного государства необходимо ясно видеть, чтобы иметь верное представление о роли церкви в те времена. Конечно, феодальное государство имело по самой своей природе много общего с феодальной церковью, и противоречия между ними были соперничеством родственных сил. Несомненно и давно отмеченная в литературе поддержка церковью многих внутри- и внешнеполитических акций централизованного государства. Речь идет о другом — о том, что церковь не только помогала, но и мешала развитию централизованного государства, бывшего на определенном историческом этапе явлением исторического прогресса. Более того, многие консервативные черты централизованного государства в области идеологии, а в известной мере и в области экономики (это уже особая тема), такие, как развитие и усиление крепостного права, были теснейшим образом связаны с позицией и влиянием церкви.

Поэтому довольно традиционное мнение, особенно в дореволюционной историографии, о том, что «сословие духовное изначала действовало в пользу единовластия»⁵⁹, может быть признано справедливым лишь в том отношении, что церковь поддерживала сильную княжескую власть постольку, поскольку эта власть могла охранять церковь с ее богатствами и привилегиями.

Противоречие между церковью и светской властью имело, таким образом, объективную закономерность. Как разрешалось это противоречие — вопрос другой, здесь многое зависело от конкретных условий и особенностей каждой страны, но само это противоречие является общим для феодальной эпохи в целом.

⁵⁸ См. С. М. Каштанов. Ограничение феодального иммунитета правительством Русского централизованного государства в первой трети XVI века. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. Вып. 11. 1958, стр. 284—296.

⁵⁹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. М. 1960, стр. 657.